

Лотар Кеттенаккер

Великобритания: объявление войны как дело чести¹

Спустя столетия после завершения Второй мировой войны и более чем десятилетие после окончания «Холодной войны» стоит задаться вопросом, в какой степени концентрация научных исследований на негативных атрибутах политики «умиротворения агрессора», проводившейся Невиллом Чемберленом, соответствует исторической действительности. Сомнения по этому поводу возникли уже в результате критики, высказанной в свое время в отношении изображения начала войны Аланом Тейлором.² И в этом вопросе, как нам кажется, сегодня пришло время для «историзации», которую Мартин Броскат в свое время потребовал осуществить в интересах изучения Третьего рейха.³ Уже один только ответ на вопрос о том, как дело могло дойти до такого сужения исторической перспективы, может в значительной степени поставить под сомнение соответствующий исследовательский подход.

Здесь необходимо напомнить о широко известном, однако спорном вердикте Уинстона Черчилля, который охарактеризовал Вторую мировую войну как «ненужную войну». «Войну, которая совсем недавно разрушила то немногое, что уцелело от мира после предыдущей битвы, было легче остановить, чем любую другую».⁴ В таком случае хотелось бы знать, какая же война является тогда необходимой. Чемберлен уже не мог защититься от этого приговора: в 1940 г.

¹ Предлагаемая читателям статья была впервые представлена на конференции в Мейсене в 2005 г. и опубликована в сборнике работ Германского исторического института в Лондоне: *Kettenacker L. Great Britain: Declaring War as a Matter of Honour//The Legacies of Two World Wars: European Societies in the Twentieth Century/L. Kettenacker, T. Riote (eds). New York; Oxford, 2011. S. 168–184.*

² См.: *Kennedy P., Imlay T. Appeasement//The Origins of the Second World War Reconsidered: the A. J. P. Taylor debate after 25 years/G. Martel (ed.). Boston, 1986. P. 140–61.* О дебатах в отношении Тейлора, включая его собственную позицию, см. также: *The Origins of the Second World War: Historical Interpretations/E. M. Robertson (ed.). London, 1971.*

³ *Broszat M. Plädoyer für eine Historisierung des Nationalsozialismus//Merkur. 1985. Nr. 5. S. 373–385.* См. также сборник работ в честь Мартина Броската: *Die Schatten der Vergangenheit: Impulse zur Historisierung des Nationalsozialismus/U. Backes, E. Jesse, R. Zitelmann (Hrsg.). Frankfurt/M.; Berlin, 1990.*

⁴ *Churchill W.S. The Second World War. 6 vols. Vol. 1: The Gathering Storm. London, 1948. VIII (Preface).* В рус. переводе цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1: тома 1–2. М., 1991. С. 16.

он умер от рака. Сегодня историки склоняются к тому, чтобы согласиться с Дональдом Уаттом, подчеркивающим непреклонную волю немецкого диктатора к войне, которую невозможно было сокрушить извне: «Гитлер хотел, стремился и страстно желал войны и разрушений, которая она несет с собой. Но той войны, которую он получил, Гитлер не хотел».⁵ Другими словами, это иллюзия, когда полагают, что у «политики умиротворения» была очевидная эффективная альтернатива. В числе прочего бесславным провалом закончились усилия правительства Великобритании, направленные на то, чтобы вовлечь Советский Союз в оборонительный союз против Адольфа Гитлера. Тем не менее Чемберлену удалось сначала удержать Муссолини от участия в войне. Когда после 1945 г. Запад оказался в ситуации противостояния с советским диктатором, который по всем признакам никому не уступал в своем стремлении к экспансии, казалось бы, следовало внять уроку, так остроумно сформулированному Черчиллем и подчерпнутому из недавней истории, и подчеркнуть ответственность свободного мира как за все то, что уже было, так и за все то, что не должно было повториться. Возможно, все это в свое время имело свое политическое оправдание. Однако история также имеет свою собственную логику и право на то, чтобы ради нее самой ее воспринимали серьезно. Концом нашей истории стало объявление войны, которого настоятельно потребовали пресса и парламент, которое невозможно уже было заботиться дискуссиями, и которое стало скорее выражением моральной, чем военной силы. Вынужденное и воспринятое как неудача объявление войны прозвучало из уст человека, который, как ни один другой, вплоть до самого последнего момента пытался сохранить мир и, не взирая на всю критику, олицетворял собой как волю к миру своих земляков, так и их негибимое чувство собственного достоинства. «Все, для чего я работал», признался Чемберлен, объявляя 3 сентября 1939 г. войну, «все, на что я надеялся, все, во что я верил в течение всей моей политической карьеры, разрушилось до основания».⁶ Вот только один эпизод, который показывает, насколько серьезно историк должен воспринять это признание: чтобы добиться разрешения Судетского кризиса, Чемберлен в сентябре 1938 г. впервые в своей жизни поднялся на борт самолета и проделал путь к значительно более молодому немецкому диктатору по воздуху. Во время полета его глубоко впечатлил взгляд на густо заселенное устье Темзы. И он спросил сам себя, как позднее рассказывал Чемберлен членам правительства, какую же защиту мы можем предложить простирающимся внизу городам и селам, для того, чтобы прийти к выводу, «что мы находимся сегодня не в том положении, чтобы оправдывать необходимость войны».⁷ Такой человек, как он, пожалуй не подходил на пост воинственного премьер-министра, который, как позднее Черчилль, не испытывал угрызений совести, в свою очередь

⁵ Watt D. C. *How War Came: The immediate origins of the Second World War: 1938–1939*. New York, 1989. P. 623.

⁶ House of Commons Debates (Hansard). Vol. 351. Cols. 291–292 (3 Sept. 1939). <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1939/sep/03/prime-ministers-announcement>.

⁷ Протокол заседания кабинета от 24 сент. 1938 г. CAB 23/95. Цит. по: Bialer U. *The Shadow of the Bomber: The Fear of Air Attack and British Politics 1932–1939*. London, 1980. P. 157.

отдав приказ пустить бомбардировщиков на беззащитное гражданское население Германии.⁸ Однако по своей природе, в своей силе и слабости, Чемберлен в большей степени был представителем своей страны, чем его харизматический и своенравный критик и преемник.

Ни для какой другой европейской страны вопрос сохранения мира и международного порядка не стоял во главе общественных интересов так остро, как для Великобритании, самой большой, однако подвергавшейся нападкам везде и повсюду, имперской державы Европы. При этом воля к миру никогда еще не выступала в таком сочетании с вопиюще острой потребностью в безопасности. Признаки всеобщего страстного стремления к миру наблюдались в английском обществе повсеместно:⁹ это и сокращение расходов на вооружение с 766 млн фунтов стерлингов в 1919–20 гг. до 102 млн в 1932 г., основывающееся на «Правиле десяти лет» (то есть на предположении, что по меньшей мере в течение 10 лет не стоит считаться с возможным серьезным противником), согласие с которым высказал также Черчилль; это и привлечение к себе большое внимание голосование престижного дискуссионного общества «Оксфордский союз» в феврале 1933 г. в поддержку пацифистского лозунга: «Этот Союз ни при каких обстоятельствах не будет сражаться за короля и страну»; это, в конце концов, и движение «Голосуй за мир!», в рамках которого почти все 11 млн избирателей высказались за то, чтобы страна осталась в Лиге наций и за международное разоружение, а 20% участвовавших в голосовании даже отклонили необходимость принятия военных мер в случае неспровоцированной агрессии в отношении Великобритании. Именно в тот момент, когда Гитлер введением воинской обязанности дал старт стремительному вооружению Германии, британский послевоенный пацифизм в ходе этого референдума за мир достиг своей кульминации. И все же спустя всего четыре года Чемберлен под давлением прессы и парламента был фактически вынужден объявить войну Гитлеру. Чем же можно объяснить такое удивительное изменение точки зрения?

Конечно же менталитет населения за эти четыре года не претерпел коренных трансформаций, в том числе в том, что касалось отношения к войне и миру. Скорее общество пережило глубокий процесс отрезвления, который в конце концов поставил его перед альтернативой: объявление войны или потеря национального самоуважения. Генезис общественного мнения от безусловной воли к миру до осознания неизбежности войны протекал в рамках существовавшей демократической системы координат, которая не подверглась серьезным потрясениям, то есть не возникло поляризации между пацифистами и сторонниками войны, между демократами, коммунистами и фашистами. Процесс скорее представлял собой совершенно нормальные политические дебаты по вопросу санкций в отношении Италии после ее абиссинской авантюры или в отношении воюющих сторон гражданской войны в Испании. Демократический процесс волеизлияния

⁸ См. по этому поводу на сегодня спорное, но весьма впечатляющее изображение бомбовой войны, где внимание, прежде всего, обращено на Королевские BBC (Royal Air Force): Friedrich Jö. Der Brand: Deutschland im Bombenkrieg 1940–1945. München, 2002.

⁹ См. все еще лучшую на сегодня историю периода между двумя мировыми войнами: Taylor A. J. P. English History: 1914–1945. Oxford, 1965.

задавал тесные рамки политической свободе действий. Вплоть до Мюнхенской конференции политика умиротворения Чемберлена поддерживалась большинством населения и влиятельной прессой.¹⁰ Для задающей тон элиты и для большинства англичан «политика умиротворения» означала не трусливые уступки немецкому диктатору, а удовлетворение по всей видимости справедливых, народно-политических притязаний немецкой стороны путем переговоров; другими словами, речь шла о мирной ревизии Версальского договора, на который теперь, задним числом, была возложена солидарная ответственность за вышедшую из-под контроля ситуацию в Германии, а именно за то, что немцы все еще никак не могли смириться с военным поражением 1918 г., за гиперинфляцию 1923 г. и мировой экономический кризис начала 1930-х годов.¹¹ В 1938 г. в Великобритании едва ли оставались еще серьезные обозреватели, выступавшие за безусловное соблюдение условий Версальского договора. Политика Гитлера против Версаля оказалась как внутри Германии, так и за границей его самым удачным пропагандистским «шлягером». Пока политика «домой в рейх», как это не устал подчеркивать Гитлер, сводилась к завершению формирования немецкого национального государства, против нее не высказывались принципиальные возражения. Сомнения конечно же вызывал образ действий немецкого диктатора, который прежде всего проявился в ходе конечной фазы Судетского кризиса и способствовал осознанию того, что отныне объявлена форсированная гонка вооружений. Даже экономическое преобладание рейха в Южной Европе¹² и валютный блок рейхсмарки, как пандан британского валютного блока фунта стерлингов, не вызывали возражений и с ним смирились. С какой стати Гитлер должен был вообще развязывать войну, если он и мирным путем мог заполучить все, на что Третий рейх мог претендовать согласно тогдашним представлениям как великая европейская держава: если не возврат колоний, то по меньшей мере, создание «неформальной империи» в Восточной Европе. Это очевидно также соответствовало представлениям Чемберлена с его ярко выраженной склонностью к экономическому *common sense* – здравому смыслу. Его тогдашний парламентский личный секретарь и будущий премьер-министр и министр иностранных дел Александр Дуглас-Хьюм пишет в своих мемуарах: «Германия была

¹⁰ Согласно опросам Гэллупа, Чемберлен после Мюнхена (1938) все еще располагал поддержкой большинства населения: *The Gallup International Public Opinion Polls: Great Britain 1937–1975* / G. H. Gallup (gen. ed). Vol. 1. New York, 1976. P. 7–12. См. далее: *Gannon F. R. The British Press and Germany, 1936–1939*. Oxford, 1971. P. 136–229; а также: *Morris B. The Roots of Appeasement: The British Weekly Press and Nazi Germany during the 1930s*. London, 1991.

¹¹ Об оценках Третьего Рейха с точки зрения границы см.: *Fremde Blicke auf das „Dritte Reich“: Berichte ausländischer Diplomaten über Herrschaft und Gesellschaft in Deutschland 1933–1945* / F. Bajohr, Ch. Strupp (Hrsg.). Göttingen, 2011. S. 13–37.

¹² Ср.: *Milward A. S. The Reichsmark Bloc and the International Economy // Der „Führerstaat“: Mythos und Realität: Studien zur Struktur und Politik des Dritten Reiches* / G. Hirschfeld, L. Kettenacker (Hrsg.). Stuttgart, 1981. S. 377–413. Автор статьи, однако, приводит доводы, согласно которым валютный блок рейхсмарки отнюдь не был системой экономической эксплуатации, а страны Юго-Восточной Европы якобы выигрывали от него больше, чем Третий рейх.

сильна и непоколебима. Весь бассейн Дуная входил в сферу ее экономического влияния. «...» Вообще Гитлер мог бы удовлетворить свои амбиции и без войны, и Германия стала бы сильнейшим государством Европы, распространяя свою власть далеко за пределы страны.»¹³ Но акцент здесь конечно же был сделан на «неформальную империю» (“informal empire”), такую, как та, что была сначала создана британцами в Африке, в то время как Гитлер имел совершенно другое, архаичное представление об империи, в том числе и о вызывавшей его восхищение британской империи, которая, по его мнению, была покорена и управлялась «солью белой расы». Он вообще не имел реальных представлений о практике господства британской империи в других частях света; он мог только перечислять количество квадратных километров и цифры населения крупнейших по территории государств мира и сравнивать их с Германским рейхом.¹⁴ Другой формы господства, чем прямое и непосредственное правление, политик-самоучка не мог себе даже представить.

Но и рамки британского восприятия ситуации были ограниченными. Политическое соглашательство, выросшее на почве *common sense*, а также оппортунистическая рациональность метода действий немецкого диктатора на долгое время заслонили от взгляда правящей британской элиты идеологические детерминанты внешней политики национал-социализма. Даже после войны Тейлор все еще характеризовал внешнеполитические успехи Третьего рейха как продолжение ревизионистской политики Веймара другими средствами.¹⁵ Для «маленького человека» Гитлер был громилой на школьном дворе Европы, который признавал только физическую силу. И кто же еще, как не старый школьный наставник Чемберлен знал толк в том, как лучше всего обойтись с таким *enfant terrible*. Уже Мюнхен воспринимался как персональное противостояние двух мужчин и тех принципов, которые они представляли, причем вопрос о победителе остался открытым. Гитлер не смог добиться осуществления всех своих требований и одержать полную победу. В свою очередь британский премьер-министр мог публично позиционировать себя в роли миротворца. Судя по всему, он с успехом отстоял принцип, согласно которому территориальные изменения в Европе не могли осуществляться без согласия великих держав. Ревизия Версаля расценивалась легитимной только в том случае, если она проводилась в консенсусе с ними, а не в одностороннем порядке.

Со вступлением войск Гитлера в Прагу в середине марта 1939 г. эта видимость улетучилась. Чемберлен воспринял эту одностороннюю акцию своего контрагента как персональный афронт; с ним была солидарна британская общественность с ее пристрастием к персонализации большой политики. Ее премьер-министр, со всем его габитусом – цилиндр, стоячий воротничок, зон-

¹³ Douglas-Home A.F. The Way the Wind Blows: An Autobiography. London, o.J. P. 65.

¹⁴ В этой связи весьма показательна тайная речь Гитлера, произнесенная им в орденомском замке «Орденобург» в Зонтофене 23 нояб. 1937 г. и напичканная статистикой, которая была призвана доказать, что «все эти огромные формации удерживаются и управляются отчасти неестественно малочисленными представителями соли белой расы». См. Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Wiesbaden, 1983. S. 481–490.

¹⁵ Taylor A. J. P. The Origins of the Second World War. См. также прим. 1.

тик и ледяная манера поведения¹⁶ —, который являлся воплощением британской сути, был посрамлен перед всем миром коварным континентальным диктатором, социальным ничтожеством. Только теперь для каждого стало несомненно, что Гитлер не удовлетворится собиранием на исторической родине всех немцев.¹⁷ Гитлер дал возможность распознать в себе классического империалиста, в безопасности от которого себя не может чувствовать ни один из его соседей. Чемберлен вопрошал: «Конец ли это одной авантюры или начало другой? Последнее ли это нападение на малое государство, или будут еще и другие? Или это шаг по направлению к попытке доминировать в мире силой?»¹⁸ Из уст британского премьер-министра теперь звучали совсем другие речи, содержавшие риторические вопросы, ответ на которые, как считалось, знал каждый житель Великобритании. Вступление Гитлера в Прагу означало, что Великобритания вновь должна сыграть свою классическую роль противовеса державе-гегемону на европейском континенте, которая была свойственна ей со времен Филиппа II. Но осознавал ли маленький человек с улицы это также хорошо, как и авторы передовиц *Times* или *News Chronicle*?

Как можно оценить отношение населения к тому, что случилось в последние предвоенные месяцы? Под каким бы влиянием публичного мнения, то есть опубликованного в газетах, не находились настроения народных масс (пресса воздействовала на них в большей степени, чем Би-Би-Си), но все же *vox populi* нельзя отождествлять с ним. Главная проблема состоит в том, что не так легко заполучить репрезентативные источники для изучения народных настроений, которые столь же легко поддавались бы учету и обработке, как печатные свидетельства, такие к примеру, как парламентские речи, опубликованные *Hansard*. Что касается 1938–1939 гг., то в распоряжении историков находится только один тип источников, а именно впервые введенные в это время в практику в Великобритании опросы общественного мнения: во-первых, уже практиковавшиеся в США опросы Гэллага, во вторых, опросы, устраивавшиеся «Масс Обзервейшн» (*Mass Observation*), коммерческой и политически независимой организацией, основанной в 1937 г. двумя британскими исследователями общественного мнения, которая рассматривала своей задачей тестирование настроений низших слоев общества, главным образом «высшего слоя рабочего класса» (“upper working”) и «нижнего слоя среднего класса» (“lower middle classes”). В совет «Масс Обзервейшн» входили такие знаменитые современники, как Джулиан Хаксли, Джон Бойнтон Пристли и Герберт Уэллс, которые были озабочены волей к сопротивлению простого народа в кризисных политических ситуациях.

¹⁶ См. характеристику, приведенную в *Douglas-Home A. F. The Way the Wind Blows*. P. 60.

¹⁷ В Форин-офисе, на основании сообщений тайных спецслужб, уже раньше считались с такой возможностью, то есть с намерением Гитлера «подчинить Восточную и Юго-Восточную Европу политической и экономической гегемонии Германии, сделав эти страны своими вассалами, если не хуже». Меморандум от 19 янв. 1939 г. TNA. CAB 27/627. Цит. у: *Dilks D. (ed.). The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M., 1938–1945*. London, 1971. P. 131.

¹⁸ Речь в Бирмингеме 17 марта 1939 г., цит. по: *Cowling M. The Impact of Hitler: British Politics and British Policy 1933–1940*. Chicago; London, 1977. P. 295.

В их глазах «простой народ» составляли люди без заграничного паспорта, никогда не бывавшие за пределами Англии, не имевшие географических познаний, которые рассматривали внешнюю политику как «полное сумасшествие» (“merely crazy”). Один из их самых распространенных ответов гласил: «Я не занимаюсь политикой», или: «Настоящий англичанин не забивает себе голову проблемами иностранцев».¹⁹ Такой аполитичный подход крайне беспокоил многих интеллектуалов, наблюдавших успехи фашизма повсюду в Европе. Можно ли будет положиться на народ, если люфтваффе опустошат своими бомбардировками Британию? Исследователи общественного мнения пришли весной 1939 г. к заключению, что «моральная сила нашего народа в настоящий момент преимущественно угнетена и подавлена»²⁰. Этот вывод, в свою очередь, был требованием к правительству не только сделать все для сохранения мира, но и уделять больше внимания пропаганде и агитации на случай, если дело все же дойдет до войны. Начиная с Мюнхена, англичане возложили все свои надежды на правительство, главным образом на Чемберлена, и его усилия по сохранению мира. Премьер-министра, согласно опросам Гэллага, все еще поддерживало большинство населения; Черчилль, за которым закрепилась слава агрессивного политика, не мог с этим ничего поделать. В феврале 1939 г. 28 % опрошенных все еще верили в то, что Чемберлен добьется длительного мира, в то время как 46 % по меньшей мере были уверены в том, что он сможет удержать страну от участия в войне.²¹ Однако уже в июне большинство в 76 % считали Великобританию связанной обязательством не оставлять Польшу в беде, если из-за Данцига дело дойдет до войны. И хотя человека с улицы весной 1939 г. международное положение заботило настолько, насколько он вообще мог его себе представить, однако и он больше не был готов покупать мир дальнейшими уступками. В марте, то есть в момент вступления немецких войск в Прагу, большинство населения – 78 % – уже ничего не желало слышать о возврате немецких колоний; еще большая доля – 84 % – высказывалась в июне за большой союз с Францией и Россией.

Можно исходить из того, что население все больше и больше усваивало точку зрения «общественного мнения», тем более что партия лейбористов теперь выступала по внешнеполитическим вопросам солидарно с правительством. Теперь предполагалось обеспечить мир не за счет выполнения обоснованных претензий или за счет призывов к *common sense* противника, но в большей степени благодаря политике устрашения и образования «фронта мира» (“Peace Front”), к которому по возможности должны были также примкнуть Советский Союз и США. Но эта политика полностью приобрела характер блефа в покере, поскольку без вышеназванных великих держав у Лондона больше не было козырей на руках. 17 марта Чемберлен адресовал немецкому диктатору первое серьезное предупреждение, которое должно было сигнализировать о конце прежней политики умиротворения. Британское стремление к миру, и это надо четко уяс-

¹⁹ Imperial War Museum. Mass Observation. Microfilm Archive. File Report Series for 1939. A 16.

²⁰ Там же.

²¹ The Gallup International Public Opinion Polls. P. 13. Все дальнейшие результаты опросов там же на следующих страницах.

нить, не было признаком упадка, но скорее отвечало пониманию того, что война бессмысленна и ужасна. Но исходя из этого не стоит полагать, заявил Чемберлен, что нация настолько утратила свою волю к самоутверждению, что она не ответит на брошенный ей вызов всеми своими силами.²² Но премьер-министр все еще не хотел брать на себя неопределенные обязательства, действовать так или иначе «в условиях, которые в данный момент нельзя предусмотреть». Однако не прошло и 14 дней, как правительство пошло именно на такую авантюру. Испуганное тайным сообщением Йена Колвина, молодого корреспондента *News Chronicle*, согласно которому Польша была следующей целью агрессии Гитлера, Чемберлен 31 марта 1939 г. дал роковое обещание: если безопасность Польши окажется в результате каких-либо действий под угрозой, и Польша будет вынуждена оказывать сопротивление, Великобритания и Франция поспешат оказать ей помощь. Парламентский протокол отметил в этом месте бурное одобрение всех членов нижней палаты.²³ Уатт следующим образом комментировал этот драматический шаг: «Решение, мир или война, было добровольно передано Чемберленом и его кабинетом в нервные руки полковника Бека [министр иностранных дел Польши – прим. ред.] и хунты его армейских соратников. Это было беспрецедентно».²⁴ На деле это был самый крупный блеф в новейшей истории Великобритании, поскольку было ясно, что островное государство не в состоянии самостоятельно оказать Польше эффективную военную помощь. Сир Александр Кэдоган, высокопоставленный чиновник Форин-офиса, осенью 1940 г. констатировал задним числом: «Последние десять мирных лет в Европе мы блефовали, и мы блефовали еще больше в остальных частях мира, например – почти половину столетия на Дальнем Востоке».²⁵ Британская угроза войны была стратегией устрашения, чье правдоподобие на самом деле было обязано французской армии, хотя с Парижем предварительно даже детально не проконсультровались. И только в случае, если бы французская армия, настроенная целиком и полностью на оборонительную стратегию и укрепление границы (линии Мажино) действительно перешла бы к нападению, только тогда рейх мог снова оказаться в ситуации войны на два фронта. Тейлор заходит настолько далеко, что даже утверждает, что главной целью британских гарантий было не допустить переход Польши во враждебный лагерь. Однако ясно только то, что этим заявлением британское правительство пустилось на рискованную игру, в которой оно играло картами своих союзников. Однако не стоит слишком далеко заходить в приписывании цинизма правительству. В конце концов, это была отчаянная попытка обуздать такого безнравственного агрессора как Гитлер. Многие также говорят в пользу предположения, что для кабинета министров, который провел 31 марта четко обозначенную линию, речь шла не только о том, чтобы

²² Douglas-Home A. F. *The Way the Wind Blows*. P. 60

²³ House of Commons Debates (Hansard). Vol. 345. Cols. 2421–2422 (31 March 1939).

²⁴ Watt D. C. *How War Came*. P. 186; также с критической точки зрения: Prazmowska A. *Britain, Poland and the eastern front, 1939*. Cambridge, 1987. P. 57–79; равно как и: Newman S. *March 1939: the British Guarantee to Poland*. Oxford, 1976.

²⁵ Приводится точка зрения по поводу меморандума английского дипломата Орме Саргента (Orme Sargent) от 28 окт. 1940 г. TNA. FO 371/25208/W11399.

устрашить Гитлера, но и о том, чтобы отрезать самим себе позорный путь к отступлению. Кэдоган после войны следующим образом охарактеризовал ситуацию, в которой тогда оказался Чемберлен: конечно же британские гарантии не могли предложить Польше никакой защиты в случае непосредственного немецкого нападения. Но «это для него самого определило некую веху. Он был теперь связан обязательствами, и в случае нападения Германии на Польшу он был бы избавлен от тягостных сомнений и нерешительности».²⁶ Премьер-министр наслаждался своим вновь приобретенным статусом международного арбитра, который показал Гитлеру желтую карточку. Перелом в общественном мнении стал очевиден уже с момента разгрома синагог и еврейских магазинов («Кристалльная ночь») в ноябре 1938 г., когда даже многие из симпатизировавших нацистскому режиму отвернулись от национал-социалистической Германии.²⁷ Теперь, весной 1939 г., большинство британцев полностью осознало, что прочный мир с гитлеровской Германией невозможен. Оценка еженедельной прессы времен после Праги и в ходе польского кризиса привела Бенни Морриса к выводу, что нация начала настраиваться на новую войну против Германии: «То, о чем большинство нации не могло даже помыслить в сентябре 1938 г., теперь стало приемлемым, хотя и с разной долей смирения и отчаяния».²⁸ Только тогда слово «умиротворение» (“appeasement”) приобрело свое несомненное уничижительное значение, поскольку до того момента дипломатическая сделка с усиливавшимися державами относилась к ординарному инструментарию британской внешней политики. Чемберлен настолько идентифицировался с этой политикой, что пресса не полностью поверила его новой роли в качестве «полднкового шерифа»²⁹ (“High Noon Sheriff”). Поскольку успех новой стратегии сдерживания (“containment”), тут же оклеветанной национал-социалистической пропагандой как политика изоляции и блокады, в решающей степени зависел от стойкости премьер-министра, британская пресса в последние мирные месяцы с редким единодушием видела свою задачу в том, чтобы отслеживать все признаки готовности снова пойти на уступки и клеймить их позором.³⁰ От правительства требовалась активная политика в сфере образования союзного альянса, чтобы придать устрашению Германии еще больший вес. Таким образом можно утверждать, что конец «политики умиротворения» проявился в умиротворении общественного мнения.

Все снова и снова как противники, так и сторонники Чемберлена приписывали ему намерение, в последнюю минуту тем не менее пойти на попятный. Гарольд Николсон сообщил 11 мая 1939 г., что один из его знакомых услышал диалог двух сидевших позади него депутатов – тори: «„Я полагаю, что мы должны поскорее убраться из этого чертового бизнеса по выдаче гарантий?“ – „Конечно,

²⁶ Цит. по: *Dilks D. (ed.). The Diaries of Sir Alexander Cadogan. P. 167.*

²⁷ *Griffiths R. Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany, 1933–1939. Oxford, 1983. P. 331–343.*

²⁸ *Morris B. The Roots of Appeasement. P. 166.*

²⁹ «Ровно в полдень» (англ. *High Noon*, 1952) – художественный фильм в жанре вестерна режиссёра Ф. Циннемана. Классика жанра, 4 премии «Оскар» – прим. пер.

³⁰ См. *Gannon F. R. The British Press and Germany. P. 262–287.*

слава Богу, у нас же есть Невилл!”»³¹ Однако сомнения в стойкости Чемберлена были необоснованными. Реакцией британского кабинета на пакт Риббентропа-Молотова стал отнюдь не испуг, а напротив, 24 августа 1939 г. парламент в экстренном порядке принял *Emergency Powers Act*, своего рода разновидность закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий на случай войны. На следующий день был формально ратифицирован пакт с Польшей об оказании взаимной помощи.³² В этом месте стоит еще раз задаться вопросом: воспринималась ли когда-нибудь гарантия, данная Польше, всерьез английской стороной? На это существует два ответа: 1. Правительством – едва ли, в любом случае только в смысле устрашения Германии, что отвечало спорной оценке реального соотношения сил; 2. очевидно да – общественным и народным мнением, насколько оно адекватно отражалось в парламенте, в прессе и в опросах общественности. И в этой статье – это необходимо здесь подчеркнуть – речь идет прежде всего об отношении населения к войне. Тейлора можно упрекать в чем угодно, но только не в недостатке понимания самовосприятия британского народа. «Не то чтобы основная масса населения горела энтузиазмом по поводу Польши или что-нибудь знала о ней», заявил он в своем докладе в университете Суррей в 1979 г., «но люди угрюмо сказали бы примерно следующее: „Ну что ж, мы дали слово, и мы должны его сдержать”».³³ Пресса оказала правительству полную поддержку, конечно же в ожидании, что то в свою очередь теперь выполнит данное им обещание. Никакой отставки премьера не последовало, как прорицал Гитлер, наоборот, со стороны правительства и общественного мнения наблюдалось полное самообладание перед лицом практически неизбежной войны. В последние августовские дни в стране воцарилось настроение, которое можно охарактеризовать как гражданский мир. Вооруженные силы были приведены в состояние боевой готовности. В Вестминстере уплотняли двери против газовой атаки, а окна защищались мешками с песком: британцы рассчитывали на худшее. Николсон описывает эти приготовления к неизбежному и характеризует настроения своих коллег по парламенту 29 августа следующим образом: «Я также полагаю, что они гордились тем, что так мужественно вели себя сегодня, так хладнокровно, так единодушно». И на следующий день: «Кажется, что полное отчаяние недельной давности сменилось решительностью, и унылые ожидания растаяли, уступив место радостному мужеству».³⁴ Вышеописанное не напоминает переживания августа 1914 г., и тем не менее оно отражает общую уверенность в том, что нация не должна страшиться жертв, если на кону стоит ее моральное самоутверждение. Однако – и это важно – речь в первую очередь

³¹ *Nicolson H. Diaries and Letters*/N. Nicolson (ed.). 3 v. Vol. 1: 1930–1939. London, 1970. P. 394.

³² Текст пакта приводится в: *Prażmowska A. Britain, Poland and the eastern front. Appendix 4.*

³³ *Taylor A. J. P. The British View // 1939, A Retrospect Forty Years After*/R. Douglas (ed.). London, 1983. P. 52. Сп.: Imperial War Museum. Mass Observation. Microfilm Archive. File Report Series for 1939. A 16

³⁴ *Nicolson H. Diaries and Letters. Vol. 1. P. 407, 409.*

шла о самоутверждении, о том, что британцы прошли испытание на мужество, но не о безопасности Польши.

Когда 1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу, 3.5 млн английских горожан вместе с детьми устремились в деревню. В ожидании гигантского воздушного флота немецких бомбардировщиков были приняты дальнейшие меры по усилению противовоздушной обороны, в первую очередь была организована целая армия помощников для подразделений ПВО.³⁵ Тем большим было непонимание, практически общественное негодование по поводу колебаний правительства, медлившего констатировать случай наступления выполнения союзных обязательств и объявить Гитлеру войну. Если бы настроения населения были бы решающим фактором, писала *Daily Telegraph*, «первый же выстрел через польскую границу стал бы сигналом для британского вмешательства».³⁶ Когда Чемберлен 2 сентября все еще удовлетворялся упреками и предупреждениями, вместо того чтобы предъявить Германии ожидаемый ультиматум, возмущение парламента, в том числе и со стороны правительственных партий, вышло из-под контроля. Даже правительство отважилось на мятеж и не желало покидать парламентскую канцелярию министра экономики и финансов, пока не было достигнуто согласие о конкретной дате ультиматума. Отчаянно, однако напрасно, премьер-министр предпринимал попытки синхронизировать свой решающий шаг с Парижем. Интриганское лавирование министра иностранных дел Франции Жоржа Бонне, который все еще надеялся на разрешение кризиса с помощью инициированной Италией конференции, поставило правительство Великобритании в высшей степени в затруднительное положение. Премьер посчитал себя вынужденным заявить Парижу о свержении правительства, если давно ожидаемый ультиматум не последует на следующий день, то есть 3 сентября 1939 г. Вплоть до самого конца, в ходе суматошных переговоров с Парижем, Римом и шведским посредником Биргером Далерусом, правительство Великобритании не дало принудить себя отказаться от главного требования: возможность переговоров с Германией существует только в том случае, если немецкие войска будут отведены из Польши.

Драматические события между 1 и 3 сентября, до того момента, как в 11.00 часов истек срок действия ультиматума, исследованы и описаны вплоть до минуты.³⁷ Здесь нам важно только констатировать, что за этот короткий промежуток времени британское общественное чувство приобрело свое влияние, фонтанируя подобно вулкану. Но этот коллективный порыв поначалу остался без последствий. 1 сентября 1939 г. в небе над Лондоном появился только один заблудившийся самолет, отнюдь не флот немецких бомбардировщиков, жертвой которых, как предрекалось, за несколько дней могли стать более 100.000 лондонцев. Гарольд Макмиллан вспоминал позднее: «Мысль о воздушных налетах тревожила нас в 1938 г. примерно таким же образом, как сегодня нас заботит мысль о ядерном ударе».³⁸ Королевские BBC также не отправили свои крыла-

³⁵ Подробнее всего: *Calder A. The People's War: Britain 1939–1945. London, 1971. P. 40–88.*

³⁶ *Daily Telegraph. 4 Sept. 1939, quoted in Gannon F.R. The British Press and Germany. P. 286.*

³⁷ В последний раз наиболее обстоятельно: *Watt D.C. How War Came. P. 568–604.*

³⁸ *Macmillan H. Winds of Change, 1914–1939. London, 1966. P. 575.*

тые машины курсом на Рурскую область. Прошло еще больше месяца до того момента, как первые три британские дивизии пересекли Ла-Манш. И только Черчилль, вновь назначенный военно-морским министром, вел серьезную войну на море. Выражение “Phoney War”, «Странная война», характеризующее период с сентября 1939 г. по март 1940 г., изначально было американским термином; в Англии сначала говорили о “Bore War”, «скудной войне», или о “Funny war” – «комичной войне»; что касается премьер-министра, то для него она была «самой странной из войн» (“this strangest of wars”) или «сумеречной войной» (“the twilight war”).³⁹ Но нет никакого сомнения в том, что одновременно она стала тяжелым испытанием для правительства. При всей его решимости не пазовать и не трусить, бездействие на фронтах оказывало деморализующее воздействие: Польша оставалась предоставленной сама себе, французские армии укреплялись позади линии Мажино, а Чемберлен держал свои бомбардировщики на привязи, из страха перед расплатой и в надежде на переворот в Германии.

Единственное, что можно поставить в заслугу правительству во время «странной войны», так это то, что все авансы, сделанные немецким диктатором после польской кампании, были отклонены. Американскому послу было открыто объявлено 26 сентября 1939 г.: «Судьба Польши будет зависеть от окончательного исхода войны, то есть от нашей способности победить Германию, а не от нашей способности ослабить давление на Польшу в самом начале».⁴⁰ Это заявление было в свою очередь следствием рационального понимания того, что Польше практически нельзя ничем помочь. Официально правительство объявило о том, что оно готовится к войне, которая продлится минимум три года,⁴¹ в то время как Чемберлен предрекал американскому послу Джозефу Кеннеди, отцу будущего американского президента, что война закончится весной будущего года.⁴² Большинство населения Великобритании (66 %) полагало, что война продлится от полутора до двух лет.⁴³ После того, как в течение нескольких дней Польша была разгромлена вермахтом, британцы расценивали любую попытку со стороны немецкого правительства прийти к соглашению, как «мирное нападение» (“peace offensive”), которое надлежало отразить дипломатическим путем.⁴⁴ Другими словами, все, что Великобритания в первые месяцы войны смогла противопоставить Гитлеру, сводилось к решимости не покоряться.

Что касается населения, то здесь царил патриотическая, хотя и наивная уверенность в победе: 87 % были убеждены в том, что немцы будут разгромлены, и только 12 % полагали, что будет заключен компромиссный мир как следствие патовой ситуации (“stalemate”).⁴⁵ Зато истеблишмент ни в коей мере не разде-

³⁹ См. *Calder A. The People's War*. P. 65; а также: *Macmillan H. The Blast of War, 1939–1945*. London, 1967. P. 4.

⁴⁰ TNA. FO 371/22946/C15080.

⁴¹ The Times. 11 Sept. 1939.

⁴² Foreign Relations of the United States, 1939/1. Washington, 1956. P. 527.

⁴³ The Gallup International Public Opinion Polls. P. 23.

⁴⁴ Cp.: *Kettenacker L. Krieg zur Friedenssicherung: Die Deutschlandplanung der britischen Regierung während des Zweiten Weltkrieges*. Göttingen, 1989. S. 40–67.

⁴⁵ The Gallup International Public Opinion Polls. P. 23.

лял эту уверенность в победе. Из дневниковых записей Гарольда Николсона мы знаем, что необходимо было противостоять распространенному ощущению, что эту войну Великобритания не сможет выиграть: «И все-таки то, что война стоит нам 6 млн фунтов стерлингов в день, а я не уверен в том, что мы победим, временами наполняет меня печалью. Мы все делаем храбрые лица и отказываемся признавать, что поражение вполне возможно».⁴⁶ В меньшей степени стоило бояться военного поражения, чем моральной капитуляции. Лишь самоуважение и гордость, единственное, как полагал Николсон, что еще осталось теперь у человека, удерживало от этого.⁴⁷ Гитлер мог сколько угодно воображать себе, что если он гарантирует сохранение империи, тогда у британского правительства не будет каких-либо оснований продолжать войну. Получить империю как ленное поместье из рук такого человека, как Гитлер означало бы для британской властной элиты моральную утрату своей ведущей роли. Именно об этом шла речь в сложившейся ситуации: о моральном руководстве, пластичном воплощении того, что характеризует нацию, что сплачивает ее в самой сокровенной сути. Уже скоро всем парламентариям стало очевидно, что Чемберлен не справляется с этой задачей. Его еженедельные, смертельно скучные сообщения о военной обстановке были способны только на то, чтобы распространять поразенчество и безотрадность, как констатировал в своем дневнике Николсон: «У премьер-министра нет дара вдохновлять кого-либо. Он похож на секретаря похоронного бюро, зачитывающего протокол последнего заседания».⁴⁸ Как можно было передать народу осознание того, что речь идет о его выживании, если он не был жертвой вражеского нападения, а теперь вдруг должен сражаться за свою жизнь? Если бы Лондон стал подвергаться ежедневным бомбежкам люфтваффе уже 3 сентября 1939 г., а не 7 сентября следующего года, то этот вопрос даже не возник бы. Но если еще в ходе Первой мировой войны решающее значение могли иметь традиционные военные задачи, такие как территориальная целостность империи или сохранение равновесия сил в Европе, то для нового военного противостояния они уже не были верным рецептом. Никто не умел лучше, чем Черчилль, патетически призывать народ осознать серьезность момента и его историческое значение для судеб нации. Речь идет не о Данциге или даже Польше, заявил он 3 сентября в палате общин, тем самым искусно дав объяснение неоказанию помощи союзнику: «Это не война за господство или империалистическую экспансию и материальные блага. И не война за то, чтобы лишить какую-то страну места под солнцем или средств прогресса. Это война, в ее внутренней сути, ведется за то, чтобы водрузить на несокрушимом основании права индивидуума и за то, чтобы возродить человека во всем его величии».⁴⁹ Свое заявление о легитимной возможности дальнейшего развития Германии Черчилль увязал с готовностью британского правительства все еще прийти к мирному соглашению со вновь образованным имперским правительством, чего неустанно, однако напрасно, добивался в течение нескольких последних лет Чемберлен. Но

⁴⁶ *Nicolson H. Diaries and Letters. Vol. 2: The War Years, 1939–1945. P. 42 (25 Nov. 1939).*

⁴⁷ Там же. P. 26 (5 Sept. 1939).

⁴⁸ Там же. P. 31 (20 Sept. 1939).

⁴⁹ *House of Commons Debates (Hansard). Vol. 351. Cols. 295.*

мирное сосуществование с европейской страной, которая нападает на своих соседей, едва ли возможно для Великобритании. Эта мысль также стала сутью речи Чемберлена, произнесенной им в Палате общин 12 октября 1939 г. и выступившей официальным ответом на речь Гитлера в рейхстаге от 6 октября 1939 г., в которой он отнюдь не проявил никакой готовности пойти навстречу, а только потребовал остановить войну. Речь в палате общин была обвинением в адрес исключительно «господина Гитлера», «германского канцлера» и «германского правительства», они одни выступали препятствием на пути к «настоящему и прочному миру, а не какому-то шаткому перемирию». ⁵⁰ Речь была выстроена таким образом, чтобы каждому в Германии стало ясно: устранение Гитлера является наиболее простым путем восстановления мира.

Сегодня можно задаться вопросом, почему британское правительство тогда не сделало еще одного шага в этом направлении и не потребовало без обиняков отставки Гитлера как безусловной предпосылки начала мирных переговоров. Чемберлен ненавидел немецкого диктатора и не мог себе представить заключение с ним мира. «Трудность – это Гитлер сам по себе», – писал он 10 сентября своей сестре Иде. «Пока он не исчезнет, а его система не рухнет, мира не будет». ⁵¹ То, что эта сама собой напрашивающаяся цель войны активно обсуждалась в кулуарах правительства, следует из следующей дневниковой записи Кэдогана: «Линия, по моему мнению, заключается в том, чтобы заявить (а премьер-министр не решается пойти на это), что у нас не будет мира с Гитлером. Избавиться от Гитлера – вот моя военная цель, а не цель мира». ⁵² В первые сентябрьские дни 1939 г. у британской прессы уже не было даже мельчайших сомнений в том, кто выступил поджигателем войны. Франклин Ганнон следующим образом резюмирует реакцию *Times*: «Это война одного человека – война Гитлера – теперь в этом никто не сомневается». ⁵³ Что касается *Manchester Guardian*, то для этой газеты уже очевидными были и цели войны: «Свергнуть этого диктатора и его режим власти». ⁵⁴ *Vox populi* также видел в Гитлере главного зачинщика войны и злодея.

Почему британское правительство страшилось сделать очевидный вывод из своей собственной политики? Есть три существенные причины, которые объясняют, почему кабинет пришел к соглашению, не связывать себя задачей достижения конкретных военных целей, и придерживался этого принципа в течение всей войны. ⁵⁵ Французское правительство хотело большего, чем просто устранения Гитлера, а именно материальных гарантий безопасности. Что касается британской стороны, то очевидно еще имелись ведущие члены кабинета, кото-

⁵⁰ Там же. Vol. 352. Col. 565. См. также: Kettenacker L. Krieg zur Friedenssicherung. P. 40–43.

⁵¹ Цит. по: Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946. P. 417 и далее.

⁵² Dilks D. (ed.). The Diaries of Sir Alexander Cadogan. P. 221 (7 Okt. 1939)

⁵³ Gannon F.R. The British Press and Germany. P. 285.

⁵⁴ The Manchester Guardian. 2 Sept. 1939.

⁵⁵ Решение военного кабинета от 9 окт. 1939 г. TNA. WM 42 (39) 8. CAB 65/1. Члены кабинета были также едины в том, что между понятиями 'Germany' и 'German people' необходимо провести четкие разграничительные линии, что и было сделано в речи Чемберлена от 12 октября.

рые полагали, что в конце концов Гитлер пойдет на переговоры. Кроме того, министр иностранных дел Эдуард Галифакс представлял в кабинете точку зрения, согласно которой требование отставки Гитлера является политически неумным, и что «заявления такого рода возымели бы своим эффектом объединение немецкого народа в поддержку господина Гитлера». ⁵⁶ Здесь очевидно можно исходить из невысказанного предположения правительства, согласно которому британское объявление войны уже якобы привело к определенному отчуждению между немецким народом и нацистской властью.

В этом месте возможно следует бросить ретроспективный взгляд на британскую пропаганду, объектом которой выступало немецкое население, поскольку, как уже упоминалось, британский премьер сознательно адресовал свое объявление войны отнюдь не немецкому народу. Стефани Зойл недавно доказала, что британская пропаганда за рубежом, начиная с Мюнхена, с того момента, как население столицы Баварии искренне восторженно приветствовало Чемберлена как миротворца, была направлена на то, чтобы завоевать большинство немцев в качестве приверженцев политики длительного мира. Премьер-министр не мог освободиться от логики действий демократического политика, согласно которой немецкое население, также как и британское, было якобы в состоянии некоторым образом оказывать давление на свое правительство. Только очень немногие британские политики и чиновники высшего ранга имели представление о том, что значит жить в условиях тоталитарного режима, контролирующего все сферы жизни. С начала 1939 г. Форин-офис неуклонно выступал за то, чтобы концентрироваться на самом действенном способе устрашения: страхе немецкого населения перед войной и ее последствиями. ⁵⁷ Но эта линия пропаганды, осуществлявшаяся на практике, все снова и снова пресекалась премьер-министром, который неустанно стремился к компромиссу и полагал, следуя совету своего посла в Берлине, что не следует провоцировать немецкого диктатора. Таким образом, вопрос о возможности тайных контактов с немецким сопротивлением даже не обсуждался. После начала войны предупредительное отношение к Гитлеру перестало иметь место. Однако теперь Даунинг-стрит и Форин-офис расходились по вопросу о том, можно ли рассчитывать на восстание немецкого народа против политики войны Гитлера. Без всякого сомнения, страстное желание мира затуманивало чувство реальности, присущее премьер-министру. Зойл приходит к выводу, что невзирая на весь имевшийся опыт, «Чемберлен и большая часть британской правительственной элиты» вплоть до весны 1940 г. полагали, что «национал-социалистический режим должен будет рано или поздно рухнуть под воздействием союзной экономической блокады и пропаганды, направленной на немецкое гражданское население». ⁵⁸ В общем и целом трудно избавиться от впечатления, что британская правительственная политика в отношении одного из самых величайших негодяев 20-го столетия, который не оста-

⁵⁶ Протокол заседания кабинета от 7 окт. 1939 г. TNA. WM 40 (39) 7. CAB 65/1.

⁵⁷ См. *Seul St. Appeasement und Propaganda 1938–1940 : Chamberlains Außenpolitik zwischen NS-Regierung und deutschem Volk*. Diss. Europäisches Hochschulinstitut Florenz 2005. Bd. 1. S. 333–352.

⁵⁸ Там же. Bd. 2. S. 1328.

навливался ни перед чем ради достижения своих целей, все еще проводилась в весьма традиционных общепринятых рамках. И только такие чрезвычайные инциденты, как попытка покушения, совершенная Георгом Эльзером 9 ноября 1939 г. – вина за покушение была сначала возложена на британские спецслужбы – еще были в состоянии изменить ход истории. Согласно заявлению Эльзера, им двигало стремление предотвратить войну.⁵⁹ Возможно, дело не ограничилось бы этим единичным покушением, если бы Лондон с помощью масштабной пропагандистской кампании объявил устранение диктатора решающим условием заключения мира. Возможно, тогда бы определенные круги вермахта, недовольные военной политикой диктатора, собрались бы с духом и организовали государственный переворот. Более чем 700-страничный труд Уатта о причинах Второй мировой войны завершается словами: «Единственные люди, способные остановить его [т.е. Гитлера – Л.К.], были те, которые были менее всех к этому готовы – его генералы и их солдаты, если бы они согласились повиноваться посредством государственного переворота; или убийца, которому удалось бы проникнуть в рейхсканцелярию, которую Гитлер не покидал в последние дни мира. Но история знает, что этого не случилось».⁶⁰

Барометр настроения масс по версии «Масс Обзервейшн» показывал, что большинство населения Великобритании поначалу было настроено скорее апатично в отношении военных действий. О каком-либо военном энтузиазме речь не шла, тем более у новобранцев. И все же значительное большинство опрошенных (77%) в сентябре 1939 г. отрицательно относилось к возможности мирных переговоров правительства с Гитлером.⁶¹ Незначительное большинство опрошенных (52%) выступало в ноябре за более интенсивное использование Королевских ВВС, даже если при этом необходимо было считаться с ответными ударами врага, нанесенными по принципу возмездия. Удивительно, но популярностью пользовалось введение правительством нормирования определенных товаров жизненной необходимости. Целью войны практически никогда не называли борьбу во имя «короля и отечества», как это было правилом в годы Первой мировой войны, а просто «защиту свободы».⁶² «Масс Обзервейшн» следующим образом характеризовала настроения призванных на войну солдат: «Они не проявляли энтузиазма по поводу войны вообще и по поводу этой войны в частности». Едва ли они испытывали ненависть к немцам, как это было в годы Первой мировой войны, зато «Гитлера, конечно, обычно считали ублюдком».⁶³ Из тех,

⁵⁹ Георг Эльзер был реабилитирован после войны только в результате исследования, проведенного Антоном Хохом: *Hoch A. Das Attentat auf Hitler im Münchner Bürgerbräukeller 1939//Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 1969. H. 4. S. 383–413. См. также: *Hoch A., Gruchmann L. Georg Elser: Der Attentäter aus dem Volke: der Anschlag auf Hitler im Münchner Bürgerbräu 1939. Frankfurt/M., 1980.* Тем временем был также снят фильм о Георге Эльзере и его поступке.

⁶⁰ *Watt D. C. How War Came.* P. 624.

⁶¹ *The Gallup International Public Opinion Polls.* P. 22–27, также и следующие результаты опросов.

⁶² *Mass Observation. Wartime Directive No. 4* (Dec. 1939).

⁶³ *Speak for Yourself: A Mass Observation Anthology 1937–1949/A. Calder und D. Sheridan* (eds.). London, 1984. P. 114.

кто должен был это знать, им никто не объяснил, за что они должны подставлять свои головы под пули. Результатом стал широко распространенный цинизм: «Патриотизм, флаг и империя, это все чепуха — только слово чепуха не говорят». Немалая часть среди них придерживалась мнения, что война ведется не за демократию, а за британский капитал. Они не были склонны говорить комплименты Чемберлену. Черчилль лидировал с большим отрывом как самый популярный министр. Но как и Чемберлен, большинство граждан Великобритании надеялось, что в конце концов кровавая война все же минует их. Как и он, многие твердо держались за иллюзию, что после того, как британский лев начал рычать, немцы очнутся и своевременно уберут своего вождя, который вверг их в беду. Несмотря на всю степень лояльности в отношении главы правительства в условиях военного времени, англичане не были в конце 1939 г. уверены в том, что Чемберлен был тем самым человеком для выполнения этой работы. Комментарии, которые «Масс Обзервейшн» чаще всего регистрировала, гласили: «Хороший человек, джентльмен, старается изо всех сил, не самый лучший для этой работы, прекрасный парень, старался для мира, слишком слаб, слишком болен».⁶⁴ Когда война на Западе пошла всерьез, героем дня стал Черчилль, который положил конец утрате ориентиров, всем иллюзиям и цинизму. При Черчилле народ, правительство и общественное мнение образовали неразрывное целое.⁶⁵

Подведу итог своим рассуждениям. Если концентрироваться только на правительственной политике (что обычно и делает историк), на потерпевшей фиаско стратегии мира⁶⁶, то есть на лихорадочной последовательности политики коллективной безопасности (*collective security*), политики умиротворения (*appeasement*), политики сдерживания (*containment*) и, в завершении, политики сдерживания устрашением (*deterrence*), то тогда будет весьма трудно воздать должное социально-психологическим, и даже, если хотите, демократическим причинам вступления Британии 3 сентября 1939 г. в войну. Тогда от нашего внимания также ускользнет основополагающее измерение Второй мировой войны для коллективной памяти наций. Вторая мировая война была для британцев «народной войной» (“The People’s War” — так назвал Ангус Кальдер свою социальную историю войны⁶⁷) с самого своего начала, а не с момента вступления Черчилля в должность премьер-министра и смены курса лейбористской партии. Травматический генезис объявления войны Британией, вслед за которым не последовала настоящая война, был необходимой предпосылкой для популярности Черчилля, который потом преобразовал войну в стойкий миф, служивший источником консенсуса для народа. Также как и Гитлер, Черчилль сколотил свой полити-

⁶⁴ Mass Observation. Wartime Directive No. 4 (Dec. 1939).

⁶⁵ См. по этому вопросу в качестве последнего исследования: *Kershaw I.* Wendepunkte: Schlüsselentscheidungen im Zweiten Weltkrieg 1940/41. München, 2008.

⁶⁶ См. по этому поводу статью автора: *Kettenacker L.* Die Diplomatie der Ohnmacht. Die gescheiterte Friedensstrategie der britischen Regierung vor Ausbruch des Zweiten Weltkrieges // Sommer 1939: Die Großmächte und der Europäische Krieg / W. Benz, H. Graml (Hrsg.). Stuttgart, 1979. S. 223–279.

⁶⁷ *Calder A.* The People’s War. О социологических последствиях: *Rose S.O.* Which People’s War?: National Identity and Citizenship in Wartime Britain 1939–1945. Oxford, 2003.

ческий капитал из унижения народа, лишь с той большой разницей, что Черчилль мобилизовал благородные, а не низменные инстинкты нации. Хотя стоит признать, что Черчиллю, в отличие от Гитлера, не пришлось иметь дела с народом, который с момента поражения в 1918 г. был больше, чем когда-либо ранее, потрясен в самих основах своего существования. В результате этой эпохальной борьбы Великобритания потеряла все: свой статус великой мировой державы, свою империю, свои финансовые ресурсы. Только одно осталось в сохранности: ее моральная незапятнанность, или если выразиться совсем старомодно, ее честь, которая для среднестатистического гражданина Великобритании была гораздо важнее, чем все остальное, чем все то, что государственные деятели и историки стремятся представить как истинные цели войны. Британия была единственной державой-победительницей, вступившей в войну ради защиты международного права, не подвергаясь при этом агрессии со стороны Гитлера. Положение, которое страна заняла в международной политике после 1945 г., основывается, как с полным правом полагает Уатт, в меньшей степени на ее силовом потенциале в настоящий момент, но в гораздо большей степени – на моральном авторитете, который она приобрела в начале сентября 1939 г., на ее осознании того, что Польша стала пробным камнем того, «что же правит в Европе – “закон джунглей” или “закон наций”». ⁶⁸ Когда в ретроспективном обзоре истории двухсотлетнего существования Форин-офиса в *Times* 1982 г. утверждалось, что «влияние должно теперь выполнять задачу силы» ⁶⁹, то тем самым подразумевался именно моральный авторитет, по крайней мере в кругу союзников, поскольку верность союзникам уже была однажды доказана британцами самым сенсационным и убедительным способом. Но британское министерство иностранных дел отнюдь не стремится конкурировать в святости с Ватиканом. Во время войны руководящая элита Англии имела вполне определенные сомнения в отношении моральной силы простого народа, которому, как она считала, не хватало осознания своей силы и ответственности, поскольку повышение стандарта жизни казалось ему важнее, чем повышение уровня вооружения. Вышшим британским чиновникам было важно не только соблюсти верность союзу, доказанную в сентябре 1939 г., но все зависело также от способности Британии вступать в союзные отношения, что предусматривает наличие такого силового потенциала, которого нации не хватало в достаточной мере во время «странной войны». «У нас нет выбора, мы обязаны, с одной стороны, либо вступить в сильный альянс, либо перестать быть мировой державой, но с другой стороны, мы не можем рассчитывать на сильных союзников, если не будем сильны сами». ⁷⁰ Этот опыт служил после Второй мировой войны основой «особых отношений» Великобритании с США. И тут круг замыкается: действительность моральных принципов – это не только вопрос доброй воли. Им отнюдь не было воздано должное уже объявлением войны 3 сентября 1939 г.

⁶⁸ Watt D. C. How War Came. P. 622.

⁶⁹ 200 Cheers for the F. O. // The Times. 5 March 1982.

⁷⁰ The Four-Power Plan. TNA. FO 371/31525/U472; см. также: Kettenacker L. Krieg zur Friedenssicherung. S. 130–146.